

2. Сто лет горнотехнической школы на Урале / Ред. коллегия: П. П. Бажов и др. – Свердловск: Свердл. област. гос. изд-во. – 1948. – 247 с.

3. 300 лет уральской металлургии: Тр. междунар. конгресса, 4–5 окт. 2001 г. / Гл. редакторы: А. А. Козицын и др. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 2001. – 440 с.

УДК 370 (09) =943
ББК 74.03

ОБРАЗОВАНИЕ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ДИАСПОРАХ ЮЖНО-ЗАУРАЛЬСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

А. Л. Михащенко

Ключевые слова: медресе; мектеб; начальное образование; религиозная школа; тюркоязычная диаспора.

Резюме: В статье раскрыты особенности обучения и определены причины низкого уровня грамотности среди тюркоязычного населения: нехватка средств, отсутствие национальных учительских кадров, фанатичная религиозность. Выявлена тенденция открытия смешанных школ на территории национальных волостей, решавшая проблемы охвата обучением русских детей, дефицита учителей, учебников и учебных пособий за счет русских педагогов и российских книг. Показана роль Шадринского уездного земства, ежегодно увеличивавшего расходы на содержание нерусских школ.

Исследование развития начального образования среди нерусского населения южно-зауральской провинции сопряжено с рядом трудностей, обусловленных наличием минимальной информации, не позволяющей проследить динамику количественного и качественного роста школ, учащихся, квалификации учительских кадров и др.

В ходе заселения Южного Зауралья сформировалось две диаспоры башкирско-татарского населения – одна в Шадринском уезде (Шадринская), другая – в Курганском округе (Курганская). В 1891 г. шадринское национальное население насчитывало 33625 чел. (17538 мужчин и 16087 женщин). Они проживали в 52 деревнях, входящих в 6 волостей (Аминевская, Буринская, Кызылбаевская, Теченская, Тюляковская, Усть-Багарякская).

В 1864 г. в шадринской диаспоре обучалось 704 мальчика в 22 мектебах (низших религиозных мусульманских школах). В них учили грамоте и основам магометанского вероучения. Учителями были приходские муллы, иногда светские лица, которых называли хальфами и мугаллимами. В 1870 г. функционировало 27 башкиро-татарских мектебов, работавших при мечетях, где обучалось 872 мальчика (для сравнения – в 23 русских школах обучалось 782 ученика) [14, с. 23]. Лидерство в охвате образованием тюркоязычного населения

в указанный период объясняется двумя факторами: во-первых, желанием иметь школу при каждой мечети, во-вторых, низким уровнем развития образования среди русского населения.

В Шадринском земском собрании нерусское население представлял один из гласных, отстаивающий интересы башкир и татар в области образования. На сентябрьской сессии 1870 г. он заявил, что «башкирцы сами содержат училища, удовлетворяя свои потребности, и в иных не нуждаются», а поэтому их надо «освободить от сбора средств на образование» [5, с. 46].

С 1874 г. Шадринское земство стало вносить в сметы расходов по 848 р. ежегодно на содержание башкирских школ, но эти средства оставались неизрасходованными. Положение стало меняться через три года, когда спланировали специальные деньги на строительство башкиро-татарской школы и на учебно-наглядные пособия, выделили 600 р. на жалование учителю и 80 р. мулле за периодичную работу с детьми. Девятое очередное собрание 1878 г. выделило 3000 р. на содержание двух башкирских школ и постройку дома для татарской школы; запланировало в бюджете 500 р. на стипендии башкирским мальчикам, обучающимся в уездном училище и сельских школах [6, с. 149].

В 1882 г. очередное земское собрание запланировало в смете 500 р., в дополнение к 1000 р., выделенным ранее, на постройку дома из саманного кирпича для башкирского училища в деревне Нижневской Усть-Багарякской волости, и поручило управе реализовать проект. Однако замысел потерпел неудачу, так как общество отказалось отводить участок для школы, боясь потерять общинную землю. В то же время желающих обучаться в Нижневской было так много, что учителю приходилось им отказывать из-за тесноты помещения, в котором проходили занятия. С целью большего охвата детей в уезде стали открывать тюркоязычные и русско-башкирские школы грамоты, где учили писать, читать, считать, заучивать молитвы. В 1883 г. начала работать Усмановская башкирская школа грамоты Усть-Багарякской волости.

Вопросы образования тюркоязычного населения шадринской диаспоры поднимались на земских собраниях и Шадринском съезде учителей в 1883 г., руководимом Н. Ф. Бунаковым, а на XVII чрезвычайном земском собрании единодушно было решено выслушать учителя башкирской школы Токумбетова, потребовавшего помощника ввиду большой наполняемости класса (55 учеников в классе, а в зимний период до 70). Собрание приняло информацию к сведению и рекомендовало земству направить помощника [7, с. 22].

Педагоги нерусских школ не любили и не желали заниматься статистическими отчетами по народному образованию и просили избавить их от этих обязанностей. Выслушав их требования, Н. Ф. Бунаков ответил, что развитие грамотности среди башкирского и татарского населения представляет большой интерес, и поэтому ведение школьной статистики в этих школах «тем более желательно» [8, с. 352].

На пятнадцатом очередном уездном земском собрании шли прения по вопросу полезности введения огородничества при башкирских школах. Гласный от национальной диаспоры Габидулла Тимирбулатов отметил, что учитель может «приохотить» детей к этому нужному делу и в будущем они станут хорошими хозяевами. По окончании публичного спора собрание постановило ввести огородничество в школах тюркоязычного населения при содействии сельскохозяйственной фермы.

В сентябре 1885 г. в Шадринскую земскую управу пришло уведомление от инспектора татарских, башкирских и киргизских школ Оренбургского учебного округа, в котором он информировал о посещении Кунашакской и Багарякской русско-башкирских училищ, башкирской школы в деревне Усмановой. Инспектор отметил удовлетворительно поставленное учебное дело, усердную работу учителя, хорошие успехи учеников, «изъявил признательность учителю Кунашакского училища Мамлееву за его вполне добросовестное отношение к учебному делу и за вполне удовлетворительные успехи учащихся» [9, с. 112].

В 1888 г. вышло «Высочайшее повеление о преобразовании Оренбургского магометанского Духовнаго Собрания», согласно которому члены и заседатели собрания обязаны иметь аттестат об окончании средних учебных заведений, а кандидаты в муллы – документ об освоении курса народного училища. Повеление вызвало различные толкования и нелепые слухи, суть которых сводилась к тому, что правительство через русско-башкирские школы и школки грамоты намеревается превратить инородцев в православие и в конце концов заставит правоверных принять христианство. В результате мусульманский служитель культа Габдулбасыров в начале учебного года не хотел допускать в медресе учителя Буринской школы грамоты и на одном из собраний мулл поднял вопрос о школах и их пользе для магометанского населения. Сторонники образования с трудом убедили собрание, что шариат признает пользу грамотности, без которой невозможно прочесть Коран. Буринская школа грамоты возобновила работу, но на два месяца позже и с малым количеством учеников.

Условия для учебных занятий в медресе были самыми неподходящими из-за отсутствия какой-либо школьной мебели – ни столов, ни скамей, ни парт не было. Ученики садились на согнутую левую ногу и клали тетрадь на правое бедро, заменявшее стол. При таком положении нельзя было научить детей правильно и красиво писать. Для овладения техникой письма списывали буквы, слоги и слова из новой азбуки Л. Тоастого, так как никаких прописей в Буринской школе не было. В младшем отделении читали также «Новую азбуку» с переводом отдельных слов на татарский язык, но пересказать прочитанное по-русски своими словами ученики не могли.

Среди школ грамоты шадринской диаспоры одной из лучших считалась Усмановская башкирская школа, в которой в 1888/89 уч. г. обучалось 27 маль-

чиков, разделенных на три группы. В старшем отделении (третий год обучения) ученики могли неплохо, сознательно читать и переводить прочитанное на татарский язык; старались красиво и правильно писать, осваивая правописание по азбуке Тихомирова; решали задачи, основанные на четырех действиях арифметики, используя учебник Евтушевского; знали главнейшие молитвы, освоили Гафтияка (7-я часть Корана), а некоторые прочитали весь Коран и заучивали из него поучительные фрагменты.

Развитие начального образования среди тюркоязычного населения уезда шло очень медленно и в 1889/90 уч. г., помимо магометанских школ при мечетях, работало три земских башкирских училища (Ичкинское, Кунашакское, Нижнейское). В татарско-башкирских школах в этот период обучалось 82 мальчика, а в школах грамоты 34 ученика (количество обучающихся при мечетях в источниках не значится). В Аминевской и Тюляковской волостях, в состав которых входило 15 деревень с 3514 жителями, не было ни одного ученика [10, с. 237].

В начале 1890-х гг. работа по организации образования среди тюркоязычного населения значительно оживилась, о чем свидетельствуют земские документы, отражающие адресную денежную помощь школам и открытие новых училищ в шадринской национальной диаспоре. В 1893 г. инспектору народных училищ поступило от муллы сообщение об открытии в деревне Байбускаровой Буринской волости школы грамоты. Это было, по замечаниям земского собрания, «отрадным явлением, так как до сих пор приходилось сталкиваться с фактами противоположного характера» [11, с. 67].

Для развития образования и повышения эффективности учебно-воспитательной работы XXV очередное уездное земское собрание 1894 г. решило предпринять следующие меры:

- пригласить в каждую школу грамоты вероучителя из местных мулл с назначением жалованья в половинном размере против обыкновенных русско-башкирских училищ, то есть 40 р. в год каждому, что позволит удовлетворить религиозные потребности учащихся и приобщить мулл к распространению грамотности;

- укомплектовать все школы необходимым оборудованием и мебелью, используя свободный остаток средств в размере 400 р. на закупку парт, классных досок, классных счет, шкафов, училищных столов и стульев;

- открыть, кроме планируемой школы в деревне Байбускаровой Теч-Башкирской волости, башкирское училище в деревне Терсюк Кызылбаевской волости.

В 1897 г. очередное Шадринское уездное земское собрание уполномочило управу ходатайствовать об открытии на средства покойного тайного советника Маслова двух русско-башкирских училищ в деревнях Аминовой и Курмановой [12, с. 27].

Религиозные убеждения тюркоязычного населения не позволяли совместное обучение мальчиков и девочек, и поэтому для последних мектебы были недоступны. Для распространения грамотности среди татарско-башкирского населения Земское собрание 1898 г. постановило учредить с будущего учебного года две стипендии в женских школах для девочек-башкирок, выделяя на это по 140 р. в год. После окончания ими народной школы стипендиатов планировали направить в одно из средних учебных заведений, по окончании которого они могли бы работать учительницами «среди своих сестер-магометанок» [15].

Регулярная адресная помощь земства нерусской школе способствовала увеличению количества учебных заведений, а значит, и развитию грамотности среди татаро-башкирского населения. В 1913/14 уч. г. в шадринской диаспоре работало 33 магометанских мектеба и 12 сменных русско-башкирских школ [4, с. 141].

Средства, выделяемые для целевого обучения, ежегодно возрастали, и на 1917 г. земство запланировало ассигновать 900 р. на 15 стипендий для татарских и башкирских детей. Деньги, конечно, небольшие, но важен факт увеличения тюркоязычных стипендиатов. Таким путем земство рассчитывало подготовить учителей для нерусских школ из среды татарско-башкирского населения и тем самым сделать новый шаг на пути народного образования в национальной диаспоре Шадринского уезда.

Исследование показало, что о состоянии тюркоязычного населения в курганской диаспоре имеется значительно меньше информации, нежели в шадринской, что объясняется отсутствием каких-либо отчетов на русском языке, минимизированными данными в архивах Челябинского уездного земства, которому были подведомственны башкирские и татарские поселения на территории Южного Зауралья.

Национальными волостями Курганского округа являлись Ичкинская с 5 населенными пунктами (Альменево, Вишняково, Иванково, Тузово, Учкулёво), Китайская с 38 деревнями и селами, Карасевская с 12 населенными пунктами, Сарт-Калмыкская, в которую входило 44 населенных пункта [15].

Стационарные учебные заведения тюркоязычного населения медресе называли еще мечетно-приходскими, магометанскими училищами (с религиозной направленностью), где обучались только мальчики. Учеников называли шакирдами, младших из них обучали старшие (халфы), усвоившие чтение и молитвы и знавшие требования и режим медресе; старших шакирдов обучал сам мулла, которому беспрекословно подчинялись.

Магометанские училища Курганской диаспоры отличались махровой антисанитарией, характеризующейся грязью и вшивостью, тяжелым, спертым от пота и дурного запаха воздухом. Ученики находились в медресе с осени до весны, его помещение было многофункциональным, так как служило для шакирдов и учебной аудиторией, и общежитием, и кухней, и столовой, при этом

в нем отсутствовали столы и стулья, не было ни коек, ни нар. Вдоль стен пол застилался паласами шириной в человеческий рост, на которых шакирды, скрестив ноги, громко читали свои «уроки», качаясь вперед и назад. Спали на этих же грязных паласах, тесно прижавшись друг к другу из-за большого количества детей. «Если кто-то ухитрялся согнуться, – вспоминал бывший ученик Д. Г. Байбулатов, – то на него налетал халфа с плеткой» (Байбулатов Д. Г. Следы моей жизни. Рукопись / Альменевский районный краеведческий музей. Инв. № 116). Он же давал разрешение и на временную отлучку из медресе. Один раз в неделю, по четвергам, отпускали домой всех шакирдов, для того чтобы сходить в баню и «стряхнуть паразитов». В пятницу вечером ученики возвращались в магометанское училище, захватив с собой продукты и полену дров для отопления помещения. Для совместного приготовления пищи и питания шакирды объединялись в возрастные группы по 5–6 чел.

Медресе отличались жестокой дисциплиной, и за любой проступок можно было получить удар плеткой, в том числе даже за разговоры после отбоя. Грозой младших шакирдов был халфа, стегавший малышей плеткой, грозой старших – мулла, наказывавший березовыми прутьями, заготовленными самими шакирдами.

Обучение в магометанских училищах – трудный и малоэффективный процесс, основанный на арабской транскрипции, механическом заучивании молитв, букв и слов. Поступающие в медресе прежде всего учили молитву, якобы помогающую дальнейшему успешному обучению. Затем шло обучение грамоте по арабскому алфавиту, включавшему 28 букв, среди которых пять пар одинаковых литеров, но с разными произношениями. После усвоения основ грамоты младшие шакирды переходили к чтению «Хафть-яка» (1/7 часть Корана), используя метод хиджа – чтения по слогам. Обучение по такой системе было очень сложным, но другого метода муллы не знали, и поэтому детям с большим трудом удавалось научиться читать и писать на арабском языке. От чтения целых слов и аятов «Хафть-яка» ученики переходили к чтению целых сур (статей) Корана, при этом процесс был исключительно вербально-механическим, без всякой попытки вникнуть в содержание читаемого текста, так как перевести Коран на русский язык не разрешалось.

После приобретения навыков самостоятельного чтения сур главной книги мусульманской религии и учебников на языке «тюрки» шакирды младшего возраста освобождались от «плеточного воспитания» халфы и переходили под «духовное воспитание» муллы. Начиналось преподавание предметов богословия, законов шариата, норм этики и морали ислама. Использовались мусульманские учебники на арабском языке: «Шрутис-сало» (учение о намазах), «Тухфатель-мульк» (учение об имущественных отношениях), «Фикх-Кайдани» (законоведение ислама в комментариях Кайдана), «Мухтасарель-викоя» (краткое изложение норм этики и морали ислама, начиная от омовения и кончая месячными у женщин).

Для получения полноценного образования богатые родители отправляли своих детей в городские новометодные медресе, учебный план которых был более насыщенным и включал изучение родного языка, литературы, географии, биологии. Однако обучение в новометодных мусульманских школах было связано с определенными трудностями, во-первых, с разлукой с родителями, братьями и сестрами, во-вторых, с фанатичной религиозностью тюркоязычного населения, боявшегося христианизации и обрусения. Когда весной 1913 г. Байбулатов вернулся из новометодной школы в родное село Альменево, то родители, увидев его, ахнули, так как их сын был в русской одежде и модно стриженный. В пятничный день отдыха отец и старший брат накинули петлю на шею ученика новометодной школы и выволокли его на площадь, где стали избивать, а мать при этом иступленно кричала: «Добейте проклятого русско-го. Принесите ремень, повесить его надо!». Лишь вмешательство сестры и ее мужа спасло Байбулатова от смерти (Байбулатов Д. Г. Следы моей жизни).

Школы для детей башкир и татар открывали, как правило, при мечетях, имеющих грамотных мулл. Так, в 1900 г. в Карасевской волости, имеющей 10 мечетей на 12 населенных пунктов, работало 10 медресе, из них в деревнях Аджитаровой было 3 школы, в Карасево – 2. В Ичкинской волости функционировало 6 мечетей, при которых работало 5 национальных школ. Однако медресе открывали не при всех мечетях, так, в Китайской волости при 9 мечетях существовала только одна небольшая татарская школа для детей состоятельных родителей. На обширной Сарт-Калмыцкой волости с 15 мечетями вообще не было ни одной школы. В большинстве деревень отсутствовали и мечети, и медресе, не было библиотек, не выпускались газеты, и поэтому более 80% тюркоязычного населения Курганского округа не умели ни читать, ни писать [13, с. 85].

Массовое переселение крестьян в южно-зауральскую провинцию и, в частности, в башкирские и татарские волости побудило местные органы власти уделять больше внимания народному образованию. Такая ситуация обусловила появление в начале XX в. новой формы обучения – смешанной школы, предназначенной для детей башкирского, татарского и русского населения. В 1902 г. в деревне Карасево одноименной волости открыли русско-башкирское училище, для которого построили деревянное здание на каменном фундаменте с крышей, покрытой железом.

В становлении образования в Курганской национальной диаспоре значительную роль сыграла мусульманская секция Челябинской уездной земской управы, руководимой татарским учителем Г. Адыровым. В 1913–1914 гг. земство провело обследование двух тюркоязычных волостей, в результате которого выяснилось, что в Карасевской волости проживало 1519 детей школьного возраста, в Сарт-Калмыцкой – 656 детей 8–15-летнего возраста. Поэтому уездное земство планировало для большего охвата обучением детей башкиро-татарского населения постепенно открыть в Карасевской волости 8 смешан-

ных училищ на 767 учащихся и 11 училищ в Сарт-Калмыкской волости на 412 учащихся [1]. В деревне Мурзабаево в связи с этим учредили мужское одноклассное училище с двумя отделениями, полный курс обучения в котором длился четыре года. Заведующим и единственным учителем назначили Александра Трушникова, окончившего Звериноголовское городское четырехлетнее Алексеевское училище и имевшего звание учителя начального городского училища, а законоучительство поручили мулле Абдулле Хисаметдинову.

Образование в Курганской национальной диаспоре развивалось очень медленными темпами из-за недофинансирования и нехватки квалифицированных педагогических кадров в сельской местности. Так, в 1914/15 уч. г. смешанной Карасевской школе с тремя отделениями, где обучалось 29 башкирских и 2 русских ученика, было выделено 510 р. на все расходы, но для успешной учебно-воспитательной работы требовалось в два раза больше. В 1916 г. заведующий Султановского училища Шикиринов в послании Челябинской земской управе писал: «Я вновь покорнейше прошу выслать по-возможности скорым авансом 60 р. на содержание вверенного мне училища, так как школа крайне нуждается в топках, а у меня нет ни копейки с декабря 1915 г.» [3]. В то же время чиновники от образования предъявляли к учителям, живущим в крайне сложных условиях, повышенные требования. В одной из инструкций указывалось: «Так как в данной местности проживает большой процент татаро-башкирского населения, то школа должна способствовать слиянию русских с инородцами, и выполнение этой задачи заставляет предъявлять к учителю более высокие требования» [2].

Отсутствие национальных учительских кадров, нехватка средств стали причинами невыполнения плана уездного земства – из 19 предполагаемых школ открыли только 4 русско-башкирских училища. Последние являлись оптимальным вариантом, так как решали ряд насущных задач в образовании: во-первых, охватывали обучением русских детей, из-за малочисленности которых на территории национальных волостей нельзя было открывать стационарные школы; во-вторых, использовались русские учителя, преподававшие на русском языке; в-третьих, применялись русскоязычные учебники и учебные пособия; в-четвертых, давался гораздо больший объем знаний по сравнению с медресе. Тенденция к открытию смешанных школ в Курганской башкиро-татарской диаспоре сохранилась до начала советского периода.

Литература

1. Государственный архив Челябинской области (ГАЧО), ф. и-9, оп. 1, д. 24, л. 176.
2. ГАЧО, ф. и-9, оп. 1, д. 40, л. 53.
3. ГАЧО, ф. и-9, оп. 1, д. 80, л. 280.
4. Доклады Шадринской уездной земской Управы уездному земскому собранию 65 и 66 чрезвычайных и 45 очередной сессий 1914 г. – Шадринск: Тип. И. М. Петрова, 1915.

5. Журналы первого очередного Шадринского уездного земского собрания и уездной земской Управы. – Шадринск: Тип. С. П. Вяткина, 1877.
6. Журналы девятого очередного Шадринского уездного земского собрания 1878 года. – Шадринск: Тип. П. А. Вяткиной, 1879.
7. Журналы XVII чрезвычайного Шадринского уездного земского собрания с приложениями, находившимися на рассмотрении собрания. – Шадринск: Тип. Е. В. Зикеевой, 1883.
8. Журналы пятнадцатого очередного Шадринского уездного земского собрания. – Шадринск: Тип. Н. Г. Зикеева, 1885. – Т. 2.
9. Журналы шестнадцатого очередного Шадринского уездного земского собрания и доклады Управы с приложениями. – Шадринск: Тип. Е. В. Зикеевой, 1886.
10. Журналы XXV очередного Шадринского уездного земского собрания. – Шадринск, 1894.
11. Журналы XXVIII очередного Шадринского уездного земского собрания с приложениями 1897 года. – Шадринск: Тип. С. И. Иванчикова, 1899.
12. Иргизов С. Г. Страницы истории Сафакулевского района. – Курган: Парус-М, 2000.
13. Начальное образование // Календарь-справочник на 1915 год. – Шадринск: Шадринское земство, 1914.
14. Письма из провинции // Образование. – 1899. – № 2.
15. Список населенных мест Оренбургской губернии по сведениям, собранным от полиции, волостных и станичных правлений в 1900 году. – Оренбург, 1901.

УДК 371.30
ББК 74.202 +74.03 (2Рос) 6

**ОБУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ:
ОТ ЛОГИКИ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОГО
К ЛОГИКЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ
(на материале отечественной дидактики 50-х гг. XX в.)**

Е. Н. Селиверстова

Ключевые слова: обучение; психическое (интеллектуальное) развитие; развивающая функция обучения.

Резюме: В статье раскрываются базовые исторические предпосылки, определившие выделение развивающей функции обучения в качестве специального объекта дидактических исследований.